

Регионализация как тенденция мирового развития

Букова Ирина Андреевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: bucova-23@yandex.ru

Важнейшей особенностью развития мирового сообщества во второй половине XX в. является глобализация многих процессов и явлений в области международных отношений, усиление взаимосвязей и взаимозависимости современных государств. Глобализация проявляется не только в мировом масштабе, но и на региональном уровне. Важной составляющей международных отношений в XXI в. является региональное сотрудничество и развитие. В данной связи существенно возрастает значение регионального фактора в современных международных отношениях. К числу движущих сил регионализации причисляют не только государства, но и неправительственные структуры (экономические «группы интересов», общественные организации, политические партии и т.д.). Мировой регионализм является одним из проявлений глобализации и, одновременно, ее противоположной тенденцией. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений, передачей части государственных функций на международный или субнациональный уровень. Регионы способствуют защите общественных отношений от негативных вызовов глобализации и выступают в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. Многие развивающиеся страны видят в регионализации попытку противостоять глобальной конкуренции. При этом в условиях глобализации особую актуальность приобретает **селективный протекционизм** - поэтапная мирохозяйственная интеграция, сочетающая открытость к внешнему миру с защитой национальных интересов.

Универсальных теорий регионалистики не существует, а выбор теорий зависит от постановки проблемы, вида, целей и задач исследования. Следующие теоретические концепции, на наш взгляд, отражают процессы регионализма, являющиеся следствием глобализации: теория многополярного мирового порядка, теория больших пространств, теория конвергенции, общая региональная доктрина.

Регионализм, развиваясь параллельно с процессами глобализации, а также как противостояние ей, часто проявляется в экономической интеграции государств. Предпосылками для создания экономических интеграционных блоков может служить следующее: сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран; территориальная близость государств; общность экономических, территориальных и других проблем; демонстрационный эффект; эффект домино (страны, которые оказываются за пределами блока хуже развиваются, они начинают стремиться в блок); противостояние государству – гегемону.

В рамках исследования регионализма нами был проведен анализ регионализации, формирующейся в ответ на вызовы глобализации, регионализации, как институционального типа интеграции государств – процесса взаимопроникновения, сращивания национальных производственных процессов, в результате чего сближаются социальные, политические институциональные структуры государств. Часто этот тип интеграции возникает на основе решений политиков и первых лиц. Формы и виды интеграции могут быть разными. Они характеризуются степенью свободы перемещения внутри группировки факторов производства. В настоящее время существуют следующие формы региональной экономической интеграции: зона свободной торговли (ЗСТ); таможенный союз (ТС); единый или общий рынок (ОР); экономический союз (ЭС); экономический и валютный союз (ЭВС) и другие.

В результате региональной интеграции на взаимовыгодных условиях: синхронизируются процессы экономического и социального развития стран, сближаются значения макроэкономических показателей развития, углубляется взаимозависимость экономик, растет ВВП и производительность

труда, происходит рост масштабов производства, сокращение издержек, образуются региональные рынки торговли и политические блоки, объединенные общей идеей.

Литература

1. Цыганков П.А., Теория международных отношений, Москва, 2005.
2. Дергачев В.А., Вердомский Л.Б., Регионоведение, Юнити, Москва, 2004.
3. Кардозо Ф. Социальные последствия глобализации, журнал Латинская Америка, № 5, 1997.
4. Deutsch Karl, On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West, in Charles Tilly, ed., "The Formation of Nation-States in Western Europe", Princeton: Princeton University Press, 1975.
5. Rostow Walt, Regionalism in a Global System // From Globalism to Regionalism. New Perspectives on U.S. Foreign and Defense Policies / Ed. by Patrick M.Cronin. National Defense University Press, Washington, D.C., 1993.
6. Territorial Politics in Industrial Nations / Ed. by Sidney Tarrow, Peter J.Katzenstein, Luigi Graziano. New York, London: Praeger Publishers, 1978.

Создание глобального информационного общества и международные отношения

Вознесенский Игорь Сергеевич

студент

Академия предпринимательства при Правительстве г. Москвы

E-mail: 89104051613@mail.ru

Большинство перемен, наблюдаемых в современном мире, так или иначе, связано с развитием информационной сферы. Произошедшие и прогнозируемые трансформации дают основание говорить о начале вхождения человечества в глобальное информационное общество. Исследователи отмечают пять определений информационного общества, связанных с параметрами идентификации новизны мирового развития которые носят технологический, экономический, касающийся сферы занятости, пространственный или культурный характер (Уэбстер, 2004). Однако актуально оценить значение информационного общества с точки зрения его влияния на складывающуюся систему международных отношений. В 2000 г. на саммите Группы 8 на Окинаве была принята Хартия глобального информационного общества, отразившая информационные перемены в мире, а также отметившая необходимость развития международного сотрудничества в данной области. Этим же вопросам много внимания уделялось на Саммите тысячелетия.

Усиление влияния информационных преобразований на развитие международных отношений обусловлено рядом особенностей самой информации. Первая особенность - информация не только не уменьшается или не исчезает при своем масштабном использовании, но и является исходной базой для формирования ее новых видов и, соответственно, нового качества. Вторая особенность - информация представляет собой первооснову для выработки и принятия решений на всех уровнях управления, в том числе уровне глобального управления. Третья - особенность информация обладает «эффектом Эдипа», т.е. способностью воздействовать на умы и поведение отдельных людей и общества в целом.

Формирование глобального информационного общества происходит, прежде всего, под воздействием прогресса новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сочетании с глобализацией рынков, как внутри отдельно взятой страны, так и на международной арене. Отсюда следует, что для гармоничного вхождения в информационное общество и соблюдения требуемого баланса необходимы координирующие усилия со стороны государства как органа, способного наиболее полноценно выражать интересы всего общества (Чернов, 2002). Создание глобального информационного общества требует преодоления информационных диспропорций, существующих в

современном мире между отдельными странами и регионами, а также информационных диспропорций, имеющих внутри самих государств, например, между различными социальными группами. Из-за таких диспропорций, задачи построения информационного общества приобретают различную степень актуальности для разных стран. В связи с активизацией информационного взаимодействия, его переплетением с экономическим взаимодействием имеющиеся информационные диспропорции оказывают возрастающее влияние на политику, экономику и культуру. Особый интерес с точки зрения измерения таких диспропорций представляет публикуемый Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), начиная с 2001 г., ежегодный доклад по глобальным информационным технологиям, обобщающий данные более чем о 100 странах. Эксперты ВЭФ при ранжировании их информационного развития опираются исключительно на данные национальной статистики, которые позволяют представить возможности вхождения той или иной страны в глобальное информационное общество.

Группу стран-лидеров в данной сфере возглавляют США, которые приступили к разработке концепции информационного общества в начале 90-х гг. В 1993 г. вице-президент США А.Гор использовал понятие «информационная супермагистраль». За США в области информационного развития следуют Сингапур, Финляндия, Швеция, Дания, Канада, Швейцария, Норвегия, Австралия и Исландия. Россия в рейтингах информационных технологий находится в шестом десятке. Ниже - Марокко, Египет, Шри-Ланка, Болгария, Вьетнам, Филиппины, Перу, Танзания. В последние годы в России намечается осознание того, что по мере вхождения в информационное общество перед страной могут открываться новые внешнеполитические возможности. В 1996 г. был принят федеральный Закон «Об участии в международном культурном обмене».

Чтобы оставаться в числе стран, влияющих на мировую политику и в значительной степени определяющих ее, России необходимо усилить активность в формировании глобального информационного общества. Еще в конце 2001 г. РФ вынесла на рассмотрение Первого комитета Генассамблеи ООН резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Однако, по данным Института развития информационного общества, 64% населения РФ не испытывают желания или необходимости пользоваться Интернетом. Эта цифра получилась в результате сложения методологии Центра международного развития Гарвардского университета «Готовность к сетевому миру» (Readiness for the Networked World) и актуальными для российских реалий областями оценки: человеческий капитал, бизнес-климат, использование ИКТ в культуре. Здесь проявляется «эффект сырьевой экономики». Ярче всего он виден при сравнении двух глобальных рынков: мировой рынок нефти оценивается приблизительно в 650 млрд долл., доля России в нем – 16%; мировой рынок ИКТ – около 1 трлн долл. Доля России в нем представляет сотые доли процента (Ваганов, 2004).

Воздействие формируемого глобального информационного общества на международные отношения имеет не только позитивные, но и негативные последствия. Так, важность международного взаимодействия часто оказывается менее значимой для индустрии масс-медиа, которая учитывает запросы аудитории. Повсеместно мы наблюдаем сокращение объема новостных международных программ, весьма затратных и не имеющих постоянной аудитории, в пользу сюжетов, связанных с потреблением и криминальной хроникой (Атлас Monde diplomatique, 2007). СМИ все более активно вносят свой вклад в формирование мирового общественного мнения, закладывают паттерны для оценки как достижений глобализации, так и рисков и вызовов глобализации. Например, рост публикаций СМИ о террористических угрозах значительно опережал террористическую активность в мире (Черникова, 2002). Вместе с тем пока нет достаточной информации по таким глобальным проблемам, как водный кризис или торговля людьми. Все это указывает на насущность превращения информационной политики не только в инструмент формирования глобального информационного общества, но общества гражданского, поскольку только при его наличии можно говорить об эффективности мировой политики и о продвижении к многополярному миру.

Литература

1. Атлас Monde diplomatique (2007) М.: Центр исследований постиндустриального общества.
2. Ваганов А. (2004) Готовность к электронному развитию: поехали? // Независимая газета. 2 ноября.
3. Закон Российской Федерации «Об участии в международном информационном обмене» // Российская газета. 1996. 5 июня.
4. Черникова А. (2002) Взрывная сила Слова // Коммерсантъ-власть. № 41.
5. Чернов А.А. (2002) Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества // Информация. Дипломатия. Психология. М: Известия.
6. Уэбстер Ф. (2004) Теории информационного общества. М.: Аспект-пресс.
7. www.wef.org. (Всемирный экономический форум).

Непризнанные государства: проблемы и перспективы

Гуревич Елена Леонидовна

студент

*Самарский государственный экономический университет, институт Теоретической экономики и
Международных экономических отношений, Самара, Россия*

E-mail: gurevich-elena@yandex.ru

Сегодня в мировой политике вопрос о так называемых «непризнанных государствах» встал особенно остро. Внимание мировой общественности приковано, в первую очередь, к спорам о суверенитете Косова, а также к проблемам на севере Испании – баскскому региону, где сильны националистические и сепаратистские настроения. Кроме того, на постсоветском пространстве все еще существуют Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах, также считающиеся «непризнанными» республиками, ситуация вокруг которых представляется многим авторам «замороженными конфликтами».

Перечень современных непризнанных государств в научных публикациях довольно велик. Кроме перечисленных пяти, в него входят Китайская Республика на Тайване и Турецкая Республика Северного Кипра. Часто к этой когорте «семи непризнанных» добавляют Республику Сомалиленд, Тамил Илам (на Цейлоне), а в последнее время – Исламское Государство Вазиристан, независимость которого была провозглашена в феврале 2006 г. боевиками-пуштунами (сторонниками Талибана) на территории северо-западного Пакистана. Изредка в этом же контексте упоминаются Южный Судан, Кашмир, Западная Сахара, Палестина, Курдистан и некоторые другие территории (например, экзотический Силенд).

Целью нашего исследования мы ставим анализ проблем признания таких государственных образований вообще и обрисовку перспектив решения этих проблем на примере конкретных

государств в мировой практике. Для достижения поставленных целей в первую очередь нам представляется необходимым решить целый ряд задач по раскрытию понятийного аппарата и принципов международного права, касающихся данной проблемы. Далее мы планируем разобраться в недавних Косовских событиях и проанализировать подоплеку поведения основных субъектов мировой политики, влияющих на этот вопрос. После этого мы сделаем вывод о перспективах решения проблемы непризнанных государств. При этом мы постараемся сохранять объективность по отношению к анализируемому вопросу.

Итак, непризнанные государства — общее название государственных образований, которые, обладая всеми признаками государственности (контроль над территорией, система управления, фактический суверенитет), в то же время лишены полного или частичного международного дипломатического признания и таким образом не могут де-юре выступать в качестве субъекта международных отношений. Их не следует путать с самопровозглашенными республиками (- это образование, которое само себя провозгласило, но не более того). Некоторые авторы считают термин «непризнанное государство» некорректным (они считают, что непризнанное государство - это образование, прошедшее хотя бы и краткий период становления государственности, который завершился ее провалом) и предпочитают термин «государство de facto». Мы же предпочтем пользоваться общепринятой терминологией.

Международно-правовое противоречие между правом наций на самоопределение, зафиксированном в знаменитом решении Генеральной Ассамблеи ООН по деколонизации в 1960 году, и принципом территориальной целостности государств - принципом нерушимости границ, официально признанным всеми европейскими государствами, США и Канадой на совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1975 году, делает вероятным постоянное появление все новых непризнанных образований (особенно в контексте того, что большинство европейских стран в разной степени может столкнуться или уже столкнулась с проблемой этнического сепаратизма) и исключает возможность однозначного правового решения об их признании. Кроме того, становясь объектом интересов ведущих мировых игроков, чьи тактические и стратегические соображения и региональные интересы также влияют на принятие решений о признании того или иного государства (недавний пример – Косово, где столкнулись интересы США, Евросоюза, России, Сербии).

Непризнанность государства международным сообществом негативным образом сказывается на его правовом статусе и операционных возможностях. Подобное государство не способно к активной экономической деятельности, не может заключать торговые контракты и осуществлять многосторонние инвестиционные и инфраструктурные проекты. Непризнанное государство рассчитывает только на гуманитарную помощь международного сообщества, социальные и культурные проекты, сотрудничество с различными странами и регионами находится в зачаточном состоянии. Таким образом, от политико-правового признания какой-либо территории напрямую зависит ее существование и развитие.

Наибольшие перспективы в плане возможных трансформаций существующего статуса имеет Косово. Речь идет о получении независимости в той или иной форме, поскольку в этом заинтересованы США и Европейской Союз. По всей видимости, Сербия сможет лишь отсрочить подобное решение или выторговать для себя некоторые политические и экономические уступки (интеграцию Сербии в ЕС или раздел территории Косова). С другой стороны, если признание Косова будет квалифицировано как *unique case* (уникальный случай), это может спровоцировать серьезный прецедент в странах, где есть проблемы этнического сепаратизма.

Абхазия, Приднестровье и Южная Осетия могут рассчитывать на частичное, неполное признание Россией, но их дальнейшие перспективы далеко не очевидны. Подобная «полунезависимость» не будет признана Соединенными Штатами, Европейским Союзом, Индией, Китаем и многими другими государствами. Наименьшие шансы на изменение статуса имеет

Нагорный Карабах. Подобное положение в основном определяется позицией США, стран ЕС, России, Ирана и Турции.

Для эффективного решения проблемы непризнанных государств, вероятнее всего, следует разработать четкие международно-правовые критерии, при соблюдении которых по истечении определенного срока непризнанное государственное образование может рассчитывать на международное признание.

При всех оговорках можно констатировать, что непризнанные государства выступают самостоятельными игроками региональной и международной политики. Их влияние на политические процессы довольно заметно. Глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой.

Литература

1. Большаков А. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья //Международные процессы, 2007. Т. 5.
2. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Учебное пособие. - М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2006.
3. Косово приобретет независимость и без резолюции СБ ООН – помощник госсекретаря США Д.Фрид //ИТАР-ТАСС. 29 апреля 2007.
4. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: учебное пособие. М.: КДУ, 2007.
5. Черецкий В. Баскская язва испанской демократии //Россия в глобальной политике, 2008.
6. Kupchan C. Independence for Kosovo //Foreign Affairs, 2005. Vol. 84.
7. www.mid.ru (*Обзор внешней политики Российской Федерации*)

Современные войны и новый этап энергетического развития США.

Ионкин Никита Витальевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: elagabal@mail.ru

В настоящее время в мировой политике главенствующее положение сверхдержавы занимают Соединенные Штаты Америки. Они сосредоточили в своих руках огромный политический и экономический потенциал. Данная страна заявляет себя гарантом мировой стабильности. Но после терактов 11 сентября 2001 года положение США пошатнулось. И для поддержания своего престижа Америка вступила в череду военных кампаний против исламского терроризма. Кампанию в Афганистане в 2001 году можно понять с точки зрения борьбы с терроризмом - там находились базы и школы подготовки боевиков «Аль - Кайды». То военные действия в Ираке, начатые в 2003 году, объяснялись наличием у режима Саддама Хусейна оружие массового поражения, что в дальнейшем не подтвердилось, и поддержкой террористических организаций в самом Ираке, так и за его пределами, которые появились только после свержения Хусейна, так как он не допускал боевиков на

территорию Ирака. Тогда многие эксперты заговорили об экономической составляющей иракской кампании. Якобы американцы захотели получить доступ к огромным энергетическим ресурсам, чтобы создать основу своей энергетической безопасности. Но приход в Ирак не только не обезопасил Америку от нестабильности с поставками и ценой ресурсов, но и привел к дестабилизации внутри самого Ирака, фактически страна находится в состоянии гражданской войны и это не способствует понижению цены на нефть. Но при этом нахождение в Ираке дает США огромное геополитическое влияние на Ближнем Востоке, и любые действия американских войск могут сказаться на безопасности и вызвать дестабилизацию ситуации в данном регионе. Многие эксперты предсказывали это, тогда возникает вопрос- почему правительство США ввело войска в Ирак, зная, что оно фактически ввергнет это ближневосточное государство в состояние борьбы между суннитами и шиитами, сепаратизм курдов, приведший к дестабилизации обстановки в Турции, где проживает большинство представителей курдского этноса, активизация Ирана, который вполне может образовать союз с шиитской частью Ирака и созданию мощного исламского государства и не помогло снижению цены на нефть, которая в данный момент находится на рубеже 100 \$ за баррель, что способствует задержке развития американской экономики? Но можно взглянуть на эту проблему под другой точкой зрения и прийти к следующим выводам: американские власти намерено совершили агрессию на Ирак, для того чтобы вызвать дестабилизацию на мировом энергетическом рынке и провести в своем роде энергетическую «шоковую терапию» в американской и мировой экономике, которая приведет к более ускоренному переходу к альтернативным источникам энергии и созданию многовекторной энергетической безопасности в США, уменьшению и в дальнейшем к полному уничтожению энергетической зависимости от развивающихся стран, поддержки внутренней экономики американского государства и т.д. На основании чего я пришел к данным выводам: во второй половине 2007 года мир был озадачен от резкого повышения цен на продукты питания, которые в том числе коснулись и Россию. Одним из фактором повышения цен является то, что все больше в мировой экономики стал применяться альтернативный источник энергии- этанол. Он чаще всего производится из продукции растительного происхождения - кукуруза, соя, сахарный тростник и т.д. И многие эксперты сходятся во мнении, что использование этанола в ТЭК эффективно только при высоких ценах на нефть. Стоит отметить, что американское правительство очень активно поддерживает американских фермеров, которые выращивают кукурузу, из которой делают этанол. Также в США прививаются другие альтернативные энергоносители: биодизель, водород и т.д. Тем самым, Америка желает любой ценой избавиться от энергозависимости путем ускоренного переход к возобновляемым источникам энергии, что может привести к подрыву мировой экономики, в том числе и российской, при осуществлении ее. Осуществление данного энергетического перехода в экономике США и возможные последствия для мировой экономики я попытаюсь раскрыть в своем докладе.

Литература

1. Торкунова А. В. Современные международные отношения. М. 1999 г.
2. Цыганков П. А. Международные отношения. М. 2000 г.
3. Виноградова М. Нефть и террор// “Нефтегазовая вертикаль” Выпуск №15 за 2001 год.
4. Назарова Ю. Биотопливо не оправдало надежд// РБК daily за 21 января 2008 г
5. Рунге К. Ф, Сенауэр Б. Как биотопливо может заставить бедняков голодать// "Россия в глобальной политике". № 6, Ноябрь - Декабрь 2007.
6. Херш М. Джордж Буш и внешний мир// "Россия в глобальной политике". № 1, Ноябрь - Декабрь 2002.
7. <http://petros.ru>.

Кочеткова Елена Владимировна

аспирантка социологического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: l_only@mail.ru

Актуальность проблем экологической политики в настоящее время очень высока во всем мире. Толчок к обсуждению экологической проблематики дали Всемирная конференция ООН 1972 года и отчет Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию 1987 года. Эти события стали вехами, влияние которых в обществе чувствуется до сих пор. Начиная с 80-х годов вопросы, связанные с очисткой сточных вод, обработкой отходов, снижением выброса газов в атмосферу, санирования почвы и снижения уровня шумов, постоянно находятся в политической повестке дня многих стран мира. В конце 80-х годов добавились такие проблемы, как повышенная кислотность и засушливость, а в середине 90-х годов в центре внимания оказался повышенный выброс CO₂ как результат изменения климата. Дополнительным стимулом для развития экологической проблематики стал ряд техногенных катастроф, которые привлекли внимание не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества в целом. В настоящее время необходимость безотлагательного решения проблем экологической безопасности осознана практически во всех странах мира. Во всех развитых странах разработаны, приняты и действуют национальные программы охраны окружающей среды. Увеличивается количество органов государственного управления, включая отраслевые министерства, ответственных за состояние окружающей среды. Особенно пристально за состоянием окружающей среды следят небольшие государства, в которых даже незначительные изменения грозят крупными катастрофами. Такие государства принимают национальные программы по охране природы, но в мировой практике принятие таких программ затруднено. Кроме того, сам характер экологических проблем носит глобальный характер: загрязнения окружающей среды не признают официальных государственных границ. Несмотря на то, что в национальных рамках решение экологических проблем происходит постоянно, в глобальном масштабе усилий отдельных международных акторов недостаточно.

Актуальность экологических проблем в будущем будет нарастать, особенно для России, которая является одной из немногих стран - доноров экологических ресурсов. Экосистема России вносит самый большой вклад в планетарную экологическую стабильность. Территория России составляет 12% от всей площади суши. Природно-ресурсный потенциал России (13% мировых запасов нефти, 34% газа, 12% угля, 27% железных руд) принципиален для мировой экономики. Вместе с тем в нашей стране много нерешенных проблем в сфере экологии. Сырьевая направленность российской экономики снижает количество невозобновляемых ресурсов. Экологически неблагоприятны все крупные города России, включая Москву. Загрязнены реки, в критическом состоянии находится система водоснабжения большинства городов. Экологическую угрозу России несет Балтика, страдающая от выбросов многочисленных промышленных предприятий и затопленного во время Второй мировой войны химического оружия.

Политика отдельных государств и других международных акторов препятствует решению экологических проблем. Например, в ходе ускоренного развития стран третьего мира, особенно Китая и Индии происходят массовые неконтролируемые выбросы и загрязнения, которые оказывают влияние на весь мир, в том числе и на Россию. Негативно сказывается на мировой экологии расхождение мнений развитых и развивающихся стран по вопросам охраны окружающей среды. Не всегда благоприятна для экологии деятельность транснациональных корпораций. В последнее время реальной стала угроза экологического терроризма. У человечества уже существует опыт ведения экологических войн (например, США в Индокитае).

Для решения экологических проблем необходимо выявить особенности экологической политики развитых и развивающихся стран. Важно изучить связь экологической политики с

экономической и культурной политикой, войнами и конфликтами, выявить факторы, определяющие экологическую политику ведущих стран мира - России, США, стран Западной Европы, Индии и Китая. Необходимо определить перспективы дальнейшего развития политики разных стран в сфере экологии, сравнить национальные программы и опыт решения экологических проблем и выявить связь уровня развития страны на проводимую ей экологическую политику.

Решение глобальных проблем экологической безопасности возможно только на международном уровне. Оно является необходимым условием создания условий будущего развития человечества в целом. Для их решения требуются согласованные действия всех членов мирового сообщества. Экологическая проблематика сегодня предполагает планомерную совместную работу государств, международных правительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, экспертов и многих других организаций и лиц.

Литература.

1. Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. М.: Международные отношения, 1988. С. 135 - 157
2. Шипулин А.Н. Необъявленная война природы и новая международная экологическая коалиция. М.: «Интердиалект+», 2006. 136 с.
3. Шуленина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // Вестник Российского университета дружбы народов. - Сер.: Политология. - 2003. - № 4 - С. 43-54.
4. Экологические проблемы современного общества: Сб. обзоров и реф. / РАН ИНИОН. Ред.-сост.: Капранова Л.Д. М., 2001. – 100 с.

Информационно-коммуникационные основания международного сотрудничества.

Крикунова Валерия Вадимовна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: valkrik@mail..ru

Введение

В настоящее время перед исследователями стоит задача осмысления противоречивых и изменчивых процессов в современном международном сообществе, возникающих в качественно новом информационно-коммуникационном контексте. Одним из таких процессов является международное сотрудничество, которое предстает сегодня в свете противоречивой роли информационных технологий и как средства усиления взаимозависимости, и как дестабилизирующего фактора силы и влияния. Начиная с середины 1990-ых годов все возникшие сколько-нибудь крупные социальные организации представляют собой сети, построенные на основе интернета. Однако, усиливая взаимозависимость мира, информационные технологии становятся важным фактором силы, углубляют неравенство. При этом реальность и значимость виртуальной среды все острее проявляется в таких вызовах для международного сообщества, как столкновение национальных интересов с требованиями мирового сообщества, усугубление международного неравенства и конфликтный потенциал неравномерности распределения ИКТ. Следовательно, разворачивается борьба за контроль и регулирование информационных потоков, как нового геополитического ресурса и возникает острая необходимость защиты от применения ИКТ деструктивными международными образованиями

на государственном, межгосударственном и международном уровнях. Именно сотрудничество по поводу и посредством информационных технологий, влияние которых на международную систему становится чрезвычайно интенсивным и многоаспектным (глобальная финансово-экономическая система, «виртуальные международные сообщества», «информационное неравенство», «информационные войны») представляет существенный практический и теоретический интерес и видится нам актуальным.

Методы

Ключевым методом анализа международного сотрудничества в сфере ИКТ является социологический подход, уделяющий внимание изменению международных отношений в результате воздействия международной среды. Одним из ее измерений являются ИКТ. Современные социологические подходы к анализу международного сотрудничества помогают увидеть, какие формы принимает международное сотрудничество сегодня под воздействием новой всемирной сетевой среды. Так, "британская социологическая школа" делает акцент на легитимности международных институтов, французская школа социологии международных отношений рассматривает новых международных акторов, стирающих границы между внутренней и внешней политикой; исторический институционализм помогает проследить историю формирования международных акторов. Возникновению и трансформации международных культурных норм важное место отводит конструктивистское направление в социологии международных отношений.

Метод системного анализа является также продуктивным и позволяет охарактеризовать новую среду международных отношений. **ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ** - способы создания, фиксации, переработки и распространения информации. Сегодня под ИКТ понимается система методов и способов сбора, накопления, хранения, поиска и обработки информации на основе применения средств вычислительной техники и коммуникационных сетей. *Современное информационное пространство представляет новую глобальную внешнюю среду международных отношений. Следует пояснить наше понимание данной категории. Имеется в виду совокупность технологий и технических средств коммуникации, а также сетевых отношений, модифицированных социальных институтов, связанных друг с другом в едином пространстве и времени.* Поэтому ИКТ и Всемирная паутина выступают в роли уже не только внесоциальной, но и социальной составляющей международной среды.

Результаты

Современные ИКТ являются важным основанием международного сотрудничества, ставя новые задачи и вызовы:

- во-первых, резко возрастают темпы и дистанция разрыва на фоне **«информационного неравенства»**: «доля дохода беднейших 20% населения мира в совокупном общемировом с 1989 по 1998 г. снизилась с 2,3 до 1,4%. Доля самых богатых 20%, наоборот, возросла»¹;

- во-вторых, неравенство и дезинтеграция в международной системе углубляются не только по линии различных государств, групп государств; возникают новые социально-экономические образования внутри одной или нескольких стран («среди примеров – регион Гонконга, север Италии и Силиконовая долина в Калифорнии»);

- в-третьих, изменяется неравенство доступа к международному влиянию. Хотя позиции государства по-прежнему сильны, возникают новые сообщества (**«виртуальные нации»**, деструктивные образования). Самый яркий пример – глобальная информационная сеть бенладеновского Терроринтерна. Возникает понятие **«информационной войны»**.

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С.32.

Все это говорит о необходимости организации международного сотрудничества на региональном, межгосударственном и глобальном уровнях с учетом новых участников международных отношений и нормативных рамок их взаимодействий.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
3. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Добренков В.И. Социально-гуманитарные проблемы становления глобального общества// Человек и современный мир. М.:ИНФРА-М, 2002.
5. Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? М.: Экономика, 1998.
6. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М. 1998.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
8. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2003.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
10. Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

О международно-политических технологиях «цветных» революций

Максимов Илья Вадимович

Студент 3 курса

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, социологический факультет,
Москва, Россия

E-mail: mvn56@yandex.ru

Распад СССР является одной из самых крупных геополитических катастроф XX века. Разделение Советского Союза на 15 независимых государств явилось фундаментом для формирования однополярного мира с государством-гегемоном, которым на данный момент являются США. Кроме того, взгляды российских и западных политиков в отношении организации постсоветского пространства разительно отличаются, что порождает целый ряд острых международных проблем.

Бывшие советские республики, в том числе и Российская Федерация, оказались втянуты в состояние крайней нестабильности, создающееся благодаря давлению извне в геополитических целях и наличию внутри них сил, также заинтересованных в дестабилизации. Известно, что ещё в 1980-е годы в международно-политической практике США была выработана и опробована технология дестабилизации ситуации и смены власти в демократических странах. На протяжении 2003-2005 годов на территории СНГ произошло три «цветных» революции: «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» в Украине и «революция тюльпанов» в Кыргызстане. ученые подтверждают, что «цветные» революции становятся одной из характерных черт постсоветского пространства в целом, переходят в разряд международно-политических реалий повседневности

Сохранение существующей политики в отношении стран ближнего зарубежья грозит России абсолютной потерей влияния в регионе, дальнейшим продвижением и укреплением политического и военного присутствия США в непосредственной близости от границ РФ. Всё это во многом станет возможным именно благодаря применению международно-политических технологий проведения «цветных» революций. Именно это главным образом и подтверждает необходимость исследования данного феномена и реализующих его технологий.

«Цветная» революция – это переворот, совершаемый в стране с демократическим режимом, имеющей определённые внутренние проблемы, направляемый и движимый интересами третьей

стороны . Подобные перевороты осуществляются при помощи некоторых международно-политических технологий. Условиями успеха «цветной» революции являются несколько факторов. Первый - наличие в избранном для революции государстве ряда внутренних экономических, политических и социальных проблем, активное, но скрытое участие третьей стороны (ею в данном случае являются США). Второй – это заблаговременный сбор и анализ информации о политической ситуации в стране. Третий фактор – это организация деятельности МНПО на территории государства, посредством которых и осуществляется влияние третьей стороны на внутривнутриполитические процессы. Четвёртый - создание в стране оппозиционных молодёжных организаций. Пятый - активное использование различных средств массовой информации в интересах революционеров. Шестой - использование «революционного маркетинга». Седьмой - начало активной революционной деятельности одновременно с началом предвыборной кампании.

Все вышеперечисленные факторы вместе являются основой политики «ненасильственного давления» - основным оружием революционеров нового формата.

Итак, «цветные» революции не имеют отношения к классическим революциям XVII-XX веков. Данные перевороты искусственно вызываются третьей стороной, но не с целью насильственной передачи власти от одного социального слоя к другому, а с целью создания в государстве «марионеточного» правительства. И «революция роз», и «оранжевая революция», и неудавшаяся до конца «революция тюльпанов» были подготовлены и проведены по одной и той же схеме

Можно ли называть такой процесс революцией? Конечно нет, ведь он навязан и финансируется извне. Кроме того, данные перевороты приводят к сомнительной ротации власти, а проблемы, послужившие основой политического кризиса, остаются нерешёнными. Таким образом становится окончательно ясно, что «цветная» революция – это всего лишь определённый набор международно-политических технологий, используемых третьей стороной в целях свержения законной власти в суверенной стране.

Литература

1. *Кара-Мурза С. Г.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили 2005 // <http://www.kara-murza.ru/books/export/index.htm>
2. *Мирзоев С. Б.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006
3. *Поляков Т. Л., Прокопов Г. В.* Синдром цветных революций // Россия в глобальной политике. 10.06.2005 // <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/4161.html>
4. *Почепцов Г. Г.* Гражданское самбо. Как противостоять «цветным» революциям. М., 2005.
5. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2005.
6. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. // <http://patriotic-front.narod.ru/sharp.htm>
7. Энциклопедия социологии / Под ред. Грицанова А. А. М., 2003.

Роль интеллектуальной миграции в социальных трансформациях постсоветского пространства

Петрова Яна Владимировна

аспирант

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, социологический факультет,

г. Харьков, Украина

E-mail: keks8383@mail.ru

Тема элиты всё чаще поднимается в современных социологических исследованиях, и хотя это понятие зачастую операционализируется в различных концептуальных контекстах, бесспорное возрастание частоты его использования является свидетельством повышенного внимания общества, прессы, учёных к феномену, называемому словом «элита». Актуальным, на наш взгляд, является комплексное изучение существующего положения, механизмов воспроизводства и перспектив развития научно-технического потенциала постсоветского пространства, который ассоциируется, в первую очередь, с научными кадрами, с достижениями учёных, составляющих элиту научного сообщества.

С каждым годом интеграционные связи между учёными различных стран становятся всё более значимыми. Национальная принадлежность учёных уже не играет определяющей роли. Среди качеств, характеризующих современного учёного, можно выделить готовность откликнуться на предложение прочесть лекции, принять участие в конференции, получить место работы (иногда далеко за пределами своей страны). Вместе с этим необходимо учитывать, что территориальные перемещения научных кадров по своим масштабам, интенсивностью и направлениями могут приобретать нежелательные для конкретного общества формы. Таким примером нежелательных для общества масштабов и интенсивности миграции являются процессы, произошедшие в 1990-е годы в странах бывшего СССР, в первую очередь в Украине. Этот период можно обозначить периодом упадка их научно-технического и технологического развития. Именно тогда наука ощутила на себе последствия внешней интеллектуальной миграции. Так, известно, что в период с 1990 г. по 1995 г. общее количество учёных в Украине сократилось почти на треть. На 6,2 тыс. человек сократилась численность высококвалифицированных специалистов со степенью доктора или кандидата наук.

Миграционный процесс среди ученых начинается в 90-х годах: в 1991г. из Украины выехало 39 докторов наук, в 1992 – 57, в 1993 – 68, а в 1994 – 90. В 1996г. из Украины выехало 83 доктора наук, что на 40,7% превысило уровень 1995г. и вдвое больше по сравнению с 1991г. Миграция докторов наук разделяется практически поровну между странами ближнего и дальнего зарубежья: половина их числа выехала в страны СНГ и Балтии, остальные – в Израиль, США, Германию, Канаду, Францию. Наибольшее число докторов наук (42,2% из всех эмигрантов) выехали в Российскую Федерацию. Подобные пропорции сохраняются в миграционных потоках, выезжающих из Украины кандидатов наук: половина выехала в Россию, Беларусь, Молдову, Литву, остальные – в Израиль, США, Германию, Канаду, Финляндию и Австралию. Среди стран Центральной Европы выбор делается в пользу Венгрии, Польши, Чехии.

В тоже время, число приезжающих в Украину ученых значительно меньше. Из тех, кто приехал в Украину для постоянного проживания в 1996г. – 26 докторов наук. 19 кандидатов, прибывших из Российской Федерации и еще 5 из других стран СНГ. Таким образом, Украина имеет как восточные приоритеты в своих экономических и политических ориентациях (Россия), так и западные приоритеты (Польша, Венгрия, Словакия, Румыния, и соседи второго порядка – страны ЕС). Согласно этим особенностям, а, также вписываясь в исторически сложившиеся каналы межнациональных и межкультурных обменов, складываются современные миграционные потоки [1, с. 340-345]. Процесс «утечки умов» тесно связан с процессами трудовой миграции в целом. Наибольшее желание работать за границей выявляет молодежь (граждане в возрасте до 30 лет), по профессиональному статусу – это группы студентов, специалисты инженерно-технического профиля, управленцы, научные работники, работники культуры. Данная тенденция сохранилась и

сегодня, и разрыв между поколениями учёных – лишь одно из последствий, вызванных миграцией научных кадров. Поэтому интеллектуальная миграция, присущая украинскому обществу, остаётся проблемой, актуальной для изучения.

Международная интеллектуальная миграция может иметь эпизодический, маятниковый и бесповоротный характер (эмиграция). Примером эпизодической интеллектуальной миграции могут служить поездки в командировки на стажировки, на конференции, на семинары и т.д. Это является обязательным атрибутом полноценной научной жизни. Маятниковая интеллектуальная миграция связана с выездом на работу, например, по исследовательскому контракту, гранту, учебной программе для студентов с дальнейшим возвращением на Родину. Она позволяет специалисту повысить свой профессиональный и культурный уровень, усовершенствовать знания иностранного языка, приобрести опыт работы в других социокультурных и экономических условиях, другой научной среде. Такую форму миграции можно было бы рассматривать как положительную, если бы она не порождала проблему «нежелания возвращаться домой». Таким образом, эпизодические и маятниковые интеллектуальные миграции, связанные с выездом из страны, могут предшествовать бесповоротной миграции (эмиграции), т.к. они создают условия для выбора постоянного места жительства. Эмигрирует и перспективная молодёжь, что не может не сказаться на будущем потенциале страны.

Безусловно, можно отметить и положительные аспекты интеллектуальной миграции для страны, выходцем которой является учёный. Так, в масштабах общества снижается уровень безработицы, определённый процент от доходов мигрантов пересылается на Родину, устанавливаются человеческие и деловые контакты, необходимые для вхождения любой страны в мировое сообщество; творческие результаты учёного через определённое время, как правило, становятся доступными для науки и экономики страны. Однако, упомянутый позитив является довольно незначительным по сравнению с теми негативными последствиями, которые прямо или косвенно ощущает страна и её наука, которые теряют научные кадры. Так, возникает разрыв между поколениями учёных; трудности с воспроизводством научной элиты. В масштабах общества последствиями внешней интеллектуальной миграции становится: ухудшение демографической структуры населения, его репродуктивного потенциала; ухудшение качества трудовых ресурсов; снижение интеллектуального потенциала населения как в краткосрочной так и в долгосрочной перспективе; потеря приоритетов научно-технического развития общества; увеличение отставания от развитых стран мира. Поэтому проблема, которая требует практического решения, состоит в поддержании определённого баланса между интересами страны, которая теряет научные кадры, с одной стороны, и интересами принимающей страны, мировой науки, учёного, заинтересованного в эмиграции – с другой.

Литература:

1. Шульга Н.А. Великое переселение народов: репатрианты, беженцы, трудовые мигранты. - К., 2002.-256с.
2. Прибыткова И.М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений / Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические аспекты/ Отв. редактор Ж.А. Зайончковская.- М., 2003.-286с.
3. Пилкингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий / В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Комаровской, С.А. Панарина.-М.: Наталис, 1999, с. 78-98.

Проблемы становления информационного общества в России.

Портнягина И.И.

преподаватель, к.п.н.

МГУ им. Ломоносова, социологический факультет, Москва, Россия

iportnyagina@mail.ru

Под влиянием взрывного развития всех видов информационных технологий осуществляется переход человечества в *информационное общество*. Информационная эра проявляет свои качества в переводе в информационную плоскость всего того, что ранее понималось как явление прямого действительного действия. Возрастающая роль информации и информационных систем – исторический факт, лежащий в основе концепций информационного общества (Е.Масуда, Д.Белл, А.Тоффлер и др.).

Существенное отличие строящегося «информационного общества» от предыдущих эпох выражается в следующем:

- Информационные технологии поднимают на неведомую ранее высоту значение знания и информационных потоков;
- Технологиями обработки информации и коммуникацией обусловлено (и даже вызвано) ядро трансформаций, которые переживает современный мир;
- Генерирование, обработка и передача информации становятся фундаментальными источниками производительности и власти [1].

Роль информационных факторов в мировой политике неуклонно возрастает. Информация превратилась в глобальный, в принципе, неистощимый ресурс человечества. Российский политолог Л. Радзиховский призывал понимать геополитику сегодня в духе 21 века: как местонахождение в мировом информационном пространстве, поскольку жизненное пространство в 21 веке – информационное пространство [2].

За последнее десятилетие все развитые страны приняли свои концепции и руководящие документы, сформулировали стратегию и тактику относительно наступления новой информационной эры развития мира. Ориентировочным для всех государств документом является Окинавская хартия «Глобальное информационное общество».

Начиная с середины 90-х гг. 20 века Россия разрабатывает собственные концепции, доктрины, планы в области информационных ресурсов общества. В 1995 г. была создана «Концепция построения и развития российского информационного пространства и государственных информационных ресурсов», принят Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»; в 1998 г. принята «Концепция формирования информационного общества в России»; в 2000 г. появилась «Доктрина информационной безопасности», а также Федеральная целевая программа «Электронная Россия».

По мнению П.А. Цыганкова, воздействие СМИ является одним из вызовов безопасности для России в современном глобализирующемся мире и ведет к разрыву между ожиданиями граждан и возможностями государств. Сегодня возможности масс-медиа выходят далеко за рамки государственных границ. Предлагая нечто вроде «лучшего из миров», новейшие и все более соблазнительные развлечения, частные и транснациональные электронные СМИ объективно, а иногда и целенаправленно отвлекают людей от негативных последствий глобализации, от

национальных гражданских задач, противопоставляя «подавляющее воздействие государства на личность» «освободительным» процессам «планетарной культуры», разрушая лояльность людей по отношению к «своему» государству [3].

Повсюду происходит массмедийное конструирование событий. В глобальном масштабе такое конструирование служит многим задачам, в том числе беспрецедентной до недавнего времени задаче легитимации (или оправданию) внешнего вмешательства в дела других стран. «Глобальные медиа во все большей степени становятся инструментом мобилизации, которая может осуществляться поверх границ национальных государств» [4]. Своей интенсивной работой массмедиа обеспечивают информационные войны (ИВ) за власть. Понятие ИВ применяется для выражения проблемы информационно-технологической угрозы или войны информационных технологий, т.е. использования информационных систем (компьютеров, телекоммуникационных сетей, баз данных) в военных целях. В настоящее время почти все конфликтные ситуации, локальные войны оказываются сюжетами информационных войн и информационного произвола.

Следует различать информационную войну (борьбу) в широком (во всех сферах) и узком смысле (в какой-либо сфере, политической, например). Основные сферы ведения информационного противоборства – политическая, дипломатическая, финансово-экономическая, военная. Информационная революция, как и глобализация, в современном мире выступает, таким образом, определяющим геополитическим процессом, а геополитическое информационное противоборство (ГИП) является современной формой борьбы между государствами. При ГИП одно государство проводит систему мер с целью нарушения информационной безопасности другого государства при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противодействующего государства. Следует выделить два вида информационной борьбы: информационно-техническую и информационно-психологическую. Для защиты от негативных воздействий социальных объектов в ходе глобальной ГИП необходимо создание системы информационно-психологического обеспечения как составной части национальной безопасности России. Данная система должна обеспечить защиту психики политической элиты и населения России от негативного информационно-психологического воздействия.

Политическое руководство России пока еще уделяет недостаточное внимание росту значения СМИ, особенно телевидения в современной мировой политике. Проблема обеспечения информационной безопасности в России длительное время не только не выдвигалась, но фактически игнорировалась. При этом считалось, что путем тотальной секретности и различными ограничениями можно обеспечить информационную безопасность страны. Только сейчас Российское государство начинает серьезно и ответственно подходить к проблеме определения и отстаивания жизненно важных интересов, реальных и потенциальных угроз в информационной сфере. Сущность стратегии России заключается в необходимости активного ведения информационного противоборства для защиты своих национальных интересов (прежде всего экономических) на основе многовекового национального опыта. Задача России при проведении при проведении глобального стратегического противоборства в его цивилизационном аспекте – превращать русскую самобытность (с ее духовностью, терпимостью и многоукладностью) в универсальную модель мировой культуры, в альтернативное атлантизму глобальное мировоззрение.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 42-43.
2. Радзиховский Л. Израиль и Палестина // Российская газета. 2004. 30 марта. С.3.
3. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2003. С. 335-336.
4. Иванов В.Н., Назаров М.М. Массовая коммуникация в условиях глобализации // Социс. 2003. № 10. С. 28.

**Социально-политические причины изменения закона,
регулирующего деятельность МНПО² в России**

Рогалев Геннадий Андреевич³

студент

Московский Государственный Университет им.М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: rgennady@rambler.ru

В настоящее время происходит проникновение субъектов процесса глобализации, таких как международные неправительственные организации, в различные сферы деятельности и интересов национальных государств. Актуальным становится вопрос регулирования взаимоотношений между государством и различными МНПО. Эта проблема не обошла стороной и Россию, в которой вопросы взаимодействия гражданского (МНПО также является элементом гражданского общества) и государственного секторов становятся все более острыми. В нашей стране сектор неправительственных организаций (НПО) регулировался Законом от 1996г. «О некоммерческих организациях». Но в 2006г. были приняты поправки к этому закону, которые усилили государственный контроль за деятельностью МНПО.

Эти изменения в законе спровоцировали бурную дискуссию об их правомочности и целесообразности не только в российском обществе, но также и на международной арене. Большая часть тех экспертов и политиков, которые критиковали вступившие в силу поправки, как на западе, так и в России, говорили в основном о том, к каким последствиям новый закон может привести. Мол, вмешательство государства во внутренние дела неправительственных организаций (в том числе и МНПО) помешает развитию демократии и становлению гражданского общества в стране. При этом совсем не затрагивался другой, не менее важный аспект проблемы: что побудило Правительство Российской Федерации пойти на столь серьезный шаг и усилить контроль за деятельностью МНПО.

Законодательство от 1996г., которое должно было контролировать деятельность всех НПО, существующих на территории России, не справлялось со своей задачей.

Во-первых, в законе от 1996г. применялся термин «некоммерческая организация», соответственно не проводилось никаких различий между НПО, МНПО и некоммерческой организацией, что сильно отличается от норм международного права.

Во-вторых, деятельность некоторых МНПО не соответствовала тем целям, которые эти организации заявляли в своих уставах и программах. Международные НПО пользовались возможностью внесения в устав чуть ли не всех существующих видов деятельности, что не позволяло точно определить профиль деятельности организации. Например, стремясь получить зарубежный грант, фонд созданный для сохранения литературного наследия, мог активно начать заниматься правами человека.

² МНПО – международная неправительственная организация

³ Автор выражает признательность профессору, д.с.н., Кочеткову В.В. за помощь в подготовке тезисов

В-третьих, необходимо было сделать деятельность самих международных НПО открытой и прозрачной. Возросшая роль МНПО на международной арене и возможность оказывать влияние на общественное мнение помогает правительствам некоторых стран лоббировать свои интересы в других государствах. Примером этого феномена международной политики являются «цветные революции» в странах СНГ (Грузия, Украина, Киргизия). Установлено (подробнее об этом С.Кара-Мурза «Революция на экспорт» М.,2006), что на фонды некоторых МНПО поступали большие средства от западных государств, которые (средства) потом отправлялись на поддержку прозападно настроенных политических лидеров.

В-четвертых, не решены были вопросы, касающиеся участия НПО (в том числе и международных) в разработке и контроле выполняемых властными структурами решений. Какие проблемы наше правительство готово обсуждать с неправительственными организациями, готово ли оно прислушиваться к их мнению, решение каких вопросов будут контролировать эти организации, будет ли право законодательной инициативы у НПО? По сути, эти вопросы институционального взаимодействия гражданского общества и государства, и их решение определит те механизмы влияния на принимаемые правительством решения, которые будут у гражданского общества.

Таким образом, мы можем констатировать: у Правительства Российской Федерации существовал ряд объективных и веских причин внесения изменений в существующее законодательство, касающееся правил функционирования МНПО в стране, и усиления контроля за их деятельностью. Дискуссионным остается вопрос, насколько принятые меры являются эффективными и способны ли они устранить причины их породившие.

Литература

1. Дугин А. Миссия демократизация: за кулисами деятельности НПО // <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=2874>
2. Кара-Мурза С. Революция на экспорт Изд. Алгоритм-ЭКМО М.,2006
3. Лопатников С. Суверенитет и иностранные деньги // <http://www.polit.ru/analytics/2005/12/01/nko.html>
4. Международный центр некоммерческого права Анализ закона №18-ФЗ внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации <http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1175>
5. Федеральный закон Российской Федерации №7-ФЗ от 12 января 1996 года «О некоммерческих организациях»
6. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2006г. №18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»

Бездомность в России в представлении организаций мирового гражданского общества: проблема и подходы к ее решению

Шилобреева Ирина Валентиновна

Соискатель

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Социологический факультет, Москва, Россия

ishilobreeva@hotmail.com

В советские времена власти замалчивали существование немногочисленного клана бездомных и бродяг. Бродяжничество преследовалось по закону и влекло за собой до двух лет лишения свободы. О проблеме заговорили, когда после распада Советского Союза в результате социальных потрясений явление стало массовым. По данным Министерства Внутренних дел РФ, к 2002 г. в стране насчитывалось до сорока миллионов бездомных. Большинство из них оказалось на улице вследствие коллапса системы социальной защиты. Причинами бездомности стали такие факторы, как

освобождение из мест лишения свободы (25% в 1995 г.), потеря жилья (16% в 1995 г.), семейные проблемы (15% в 1995%) (Никифоров, 2004).

В начале 90-х гг. XX в. проблема бездомности входила в сферу интересов исключительно органов Министерства Внутренних Дел и зарождающихся организаций гражданского общества. После отмены уголовного преследования за бродяжничество, подразделения МВД решали проблему бездомности помещением бродяг в камеры предварительного заключения. Организации гражданского общества оказывали социальную и медицинскую помощь, размеры которой не могли считаться значимыми в масштабах страны.

Данная работа основана на анализе 11-тилетней деятельности бельгийского отделения организации «Врачи без границ». С 1992 по 2003 г. организация осуществляла программу помощи бездомным в г. Москве. Результатом работы этой программы стало открытие первого в стране государственного пункта медико-социальной помощи бездомным.

Основными направлениями деятельности программы помощи бездомным стали: организация пунктов социальной и медицинской помощи; работа со средствами массовой информации с целью изменения имиджа бездомных и, как следствие, оказания влияния на общественное мнение; лоббирование на уровне федерального правительства и местных администраций. Косвенным эффектом программы стала мобилизация местных представителей гражданского общества для решения проблемы.

Программа выявила двойное отношение общества к бездомности, объясняющееся, в первую очередь, относительной новизной проблемы: ее существование в России признано на протяжении всего лишь двух десятилетий. С одной стороны, общественное восприятие бездомности формируется на базе стереотипов, создаваемых средствами массовой информации, а также личного восприятия, основанного на встречах с наиболее заметными представителями этой группы (как правило, грязно одетыми бродягами в стадии алкогольного опьянения). С другой стороны, как показало одно из телевизионных ток-шоу, посвященных проблеме бездомности, 73% россиян допускают возможность остаться без жилья вследствие разного рода социальных катаклизмов (Никифоров, 2004), и толерантно относятся к явлению.

Оба фактора формируют так называемый эффект NIMBY (not in my backyard) – «не в моем дворе», появившийся в США в конце 60-х гг. и описанный западными социологами (Dear, 1992). Суть явления сводится к тому, что общественное мнение склонно в целом поддерживать проекты, направленные на достижение общественного блага, при этом отрицательно относится к негативным следствиям реализации таких проектов (в случае бездомных, к открытию «ночлежек» в близости от жилых домов, и т.д.).

Работа, направленная на изменение общественного мнения (публикации в СМИ, публичные акции, информационные кампании), активно велась в рамках программы.

Отношение органов власти к вопросу бездомности менялось в течение 90-х гг. прошлого века и эволюционировало от игнорирования проблемы до создания законодательной базы для ее решения. Причиной такого относительно быстрого прогресса стало давление на власти не только и не столько институтов гражданского общества, ролью которых такое лоббирование является, сколько государственных структур низшего звена (местные подразделения органов внутренних дел, городские поликлиники, и т.д.). Этим структурам приходилось ежедневно сталкиваться с проблемами, вызванными существованием явления бездомности, однако их взаимоотношения с этими слоями населения не регулировались властями. Постепенно именно их давление на органы власти привело к созданию нормативной базы. Уже с принятием действующей Конституции задержание человека на срок более 48 часов стало незаконным. В 1996 году вышел приказ Департамента здравоохранения Москвы⁴, который обязал все поликлиники принимать всех граждан по медицинским показаниям вне зависимости от наличия прописки (регистрации). Приемники-распределители МВД к 2002 г. Правительством России были преобразованы в учреждения социальной помощи Министерства Труда РФ.

⁴ Приказ Департамента здравоохранения Москвы от 18.08.1996 №535.

Тем не менее, институты гражданского общества также сыграли немаловажную роль в организации государственной власти для решения задач нормотворчества в отношении бездомных слоев населения. Эта роль заключалась в основном в предоставлении экспертных знаний о работе с бездомными гражданами.

Кроме того, парадокс ситуации заключается в том, что появление долгожданных норм работы с уязвимыми слоями населения, которыми являются бездомные, не повлекло за собой их соблюдение. Так, например, поликлиники Москвы, получившие нормативы работы с бездомными согражданами, описанные в вышеуказанном приказе, не спешат его выполнять и не готовы принимать граждан без регистрации. Сотрудники этих учреждений, подверженные вышеописанным стереотипам, чувствуют безнаказанность за свое бездействие: жалобу человеку, как правило, не имеющему паспорта, написать так же сложно, как и попасть на прием к врачу.

В ситуации, когда государственные структуры по тем или иным причинам не в состоянии справиться с решением социальных задач, традиционно для многих государств эту обязанность берут на себя организации гражданского общества, имеющие потенциал оказания базовых услуг наиболее нуждающимся слоям населения на долгосрочной основе.

Литература

1. Никифоров А.Н., «Невидимые обитатели улиц. Бездомные Люди и "Врачи без границ" - 11 лет в России.», МСФ, Москва, 2004
2. Dear Michael, « Understanding and Overcoming the NIMBY Syndrome », Journal of the American Planning Association, 58 (3), 1992.
3. А. П. Цыганков, П.А. Цыганков, «Социология международных отношений. Учебное пособие», Москва, «Аспект Пресс», 2006.
4. « La citoyenneté locale ? », Christian Le Bart. « Cahiers français » № 316 septembre-octobre 2003.
5. Диана Шмидт, «Какое гражданское общество существует в России». Pro et Contra №1 (31) 2006.

Европейский Союз как агент «демократизации» третьих стран (на примере РФ).

Ярошенко Любовь Анатольевна

ассистент

Ярославский Государственный Университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: yaroshenko_l@mail.ru

Введение

Кардинальная смена политических режимов, особенно в виде быстрого транзита к демократии на постсоветском пространстве, все чаще происходит при активной роли «внешних игроков». В результате чего, в сфере международных отношений и политологии возникает целая группа исследовательских вопросов, которые можно свести к одному общему знаменателю, какие механизмы необходимы для эффективной реализации внешней стратегии демократизации третьей страны?

Цель данной работы заключается в анализе стратегии «демократизации», используемой Европейским Союзом в отношении Российской Федерации, с точки зрения ее содержания и механизмов реализации. Европейский Союз всегда выступал адвокатом концепции того, что определенные демократические ценности должны являться основой осуществления государством как внешней, так и внутренней политики.

В соответствии с Копенгагенскими критериями в обмен на строгое соблюдение принципов либеральной демократии, рыночной экономики, верховенство закона и гарантирование прав

национальных меньшинств любая страна получала возможность воспользоваться всеми преимуществами полноправного членства в этом институте.

Однако, насколько подобная стратегия «демократизации» могла быть применима к государствам, которые не стремятся полностью интегрироваться в структуры Европейского Союза, таким как, например, Российская Федерация?

В настоящий момент Россия вступила на качественно-новый этап развития своей внешней политики. Как было заявлено в «Обзоре Внешней Политики Российской Федерации от 27 марта 2007 года», главное достижение последних лет заключается в обретении Российской Федерацией внешнеполитической самостоятельности. Самостоятельность по своей сути не исключает приверженности общим ценностям, однако не приемлет требований о необходимости безоговорочного принятия чьих-либо норм и стандартов как предпосылки и основы для дальнейшего сотрудничества.

Методы

Основываясь на рационалистической парадигме международных отношений, стратегия «демократизации», используемая ЕС в отношении РФ, была проанализирована с точки зрения а) набора демократических норм и ценностей, предлагаемых для реализации Россией б) четкости и ясности предъявляемых демократических требований. Следующий этап анализа включил изучение характера «позитивных» или «негативных» стимулов, предлагаемых Европейским Союзом российской политической элите в обмен на реализацию внешних норм и правил. Эмпирической базой исследования выступили основные документы, служащие юридической основой взаимоотношений между ЕС и Российской Федерацией.

Результаты

Проведенный анализ показал, что в рамках стратегии «демократизации» России со стороны ЕС можно выделить три хронологических этапа. Первый этап составляет период с 1994 по 1999 год, в рамках этого этапа стратегия «демократизации» регулируется положениями, закрепленными в рамках Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве.

СПС впервые отразил важность соблюдения РФ демократических принципов для дальнейшей кооперации с Европейским Союзом. Это условие было четко и ясно отражено в статье 2 Раздела 1 «Общие принципы», которая содержала ссылки на такие документы как Хельсинский Заключительный Акт и Парижская Хартия для Новой Европы. Статья 2 предполагала, что «уважение демократических принципов и прав человека»[2] представляет собой существенный элемент партнерства, на практике это означало, что Европейский Союз мог разорвать соглашение в любой момент при несоблюдении российской стороной статьи 2.

В качестве главного стимула для реализации демократических требований выступала перспектива создания зоны свободной торговли между РФ и ЕС. Однако можно ли рассматривать Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве в качестве долгосрочной стратегии Европейского Союза по продвижению демократии?

В ответе на данный вопрос главным представляется оценка соотношения внимания к политическим и экономическим вопросам во взаимоотношениях между Европейским Союзом и Российской Федерацией. Безусловно, СПС был первый юридический документ, заключенный между Европейским Союзом и Россией, который подчеркивал необходимость укрепления демократических усилий. Однако основные акценты были сделаны на экономических положениях и ограниченной финансовой и технической помощи, предоставляемой России через программу ТАСИС [1].

Следующий этап в рамках стратегии «демократизации», используемой ЕС в отношении РФ, был отмечен принятием «Общей Стратегии по РФ от 4 июня 1999». Этот документ был направлен на усиление СПС. В качестве одной из четырех главных целей и условий взаимодействия между ЕС и Россией была, впервые, сформулирована консолидация демократического режима и верховенство закона. Однако главный недостаток документа заключался в том, что он носил односторонний характер, и российская сторона не брала на себя никаких обязательств.

И, наконец, третий этап характеризует подписание ЕС и РФ четырех дорожных карт. Главное отличие четырех дорожных карт от СПС заключается в том, что они не содержат «политических условий» как основы дальнейшего сотрудничества. За исключением краткой преамбулы в Дорожной Карте «Общее Пространство Свободы, Безопасности и Правосудия» существуют лишь редкие упоминания и ссылки на «общие ценности» в других «Дорожных Картах». Планы Действий в рамках «Европейской Политики Добрососедства» содержат многочисленные ссылки на характер проведения предстоящих выборов в Молдове и Украине, упоминание характера и качества проведения, парламентских и президентских выборов в России не присутствует в «дорожных картах».

В рамках «дорожных карт» обе стороны соглашаются с тем, что стратегическое партнерство должно основываться на «общих ценностях», однако само понятие «общих ценностей» не имеет ссылок на “aquis” или только европейские стандарты и правила. Таким образом, создается «образ» «равного партнерства», к которому неоднократно призывают эксперты и официальные лица со стороны Российской Федерации.

В настоящий момент Европейский Союз по отношению к Российской Федерации пытается реализовать политику максимальной вовлеченности. ЕС имеет стратегический экономический интерес, заключающийся в сохранении поставок энергоносителей, стратегический политический интерес, связанный с аспектами безопасности. Цель Европейского Союза может заключаться в осуществлении так называемого «социализирующего эффекта», результатом которого будет постепенная конвергенция с Европейскими стандартами и ценностями, в том числе и демократическими.

Литература

1. Богатуров А. Д. «Три поколения внешнеполитических доктрин России» «Международные процессы», т. 5. №1 (13), январь – апрель 2007. <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>
2. Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве (СПС) и Протокол к СПС (27 апреля 2004). http://ec.europa.eu/external_relations/russia/russia_docs/index.htm
3. Vahl, Marius “Just Good Friends? The EU-Russian “Strategic Partnership” and the Northern Dimension”: CEPS Policy Brief, p. 9